

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1966**

К а т р и   В а л а

Д А Л Е К И Й   С А Д

Избранные стихи

Переводы с финского

И (Фин)

В 15

Составитель

В. БЕРГМАН

Предисловие

ДЕБОРЫ ВААРАНДИ

Художник

А. БЕЛЮКИН

7—4—4

215—66

КАТРИ ВАЛА И ЕЕ ПОЭЗИЯ

Поэтический дебют Катри Валы в двадцатых годах нашего века совпал с периодом перелома в финской литературе. Господствовавшие в ней эпигонский реализм с его застывшей уравновешенностью и плоский народный романтизм уже не могли удовлетворить новое поколение, выросшее в атмосфере переоценки всех ценностей. Поколение это только что пережило первую мировую войну, русскую революцию, гражданскую войну и превращение Финляндии в самостоятельное государство. Всем казалось, что должны вот-

вот появиться новые люди с новыми этическими и эстетическими принципами.

Решающую роль в развитии новой финской литературы играло объединение «Туленкантаят» («Пламеносцы»), находившееся под влиянием западных модернистских течений, в первую очередь — под влиянием немецкого экспрессионизма. С этим объединением был связан на первых порах целый ряд видных прозаиков и поэтов. Выпустив в 1924 году свой первый сборник «Далекий сад», а два года спустя — «Синюю дверь», Катри Вала становится одной из звезд первой величины в объединении «Туленкантаят». Книги ее находят общее признание и сразу становятся объектом литературной полемики.

Родилась поэтесса 11 сентября 1901 года в лапландской деревне Муонио, в семье лесного объездчика. Ее школьные годы прошли в Порвоо. Отец умер, когда девочке было десять лет. Лишь ценою больших усилий ей удалось получить образование. После окончания университета Катри Вала работает в провинции учительницей народной школы,

пока обострение болезни — туберкулеза легких — не отрывает ее надолго и от службы и от творчества.

Первые стихи Катри Валы поразили читателя безоглядным жизнелюбием, небывалой щедростью красок, самобытной формой свободного стиха. Укоренение верлибра в финской поэзии связывают прежде всего с ее именем, но надо сказать, что «катри-валовская» форма и до наших дней остается единственной в своем роде.

Юношеская лирика Катри Валы предельно импульсивна. Это гимн жизни и красоте мира, гимн изобилию земли, где

как безумное море, волнуются луга,

где рождаются запахи

прекрасней и нежнее курений священного
ладана.

О, горячий, безумящий, языческий
запах тела земли!

(«Цветущая земля»)

Солнцепоклоннику-поэту северная природа кажется порой слишком бедной, и тогда

в стихах возникают экзотические мотивы: мраморный Тадж-Махал среди сандаловых деревьев, пальмы на островах Океании, шаловливые нимфы и фавны.

«Калевала» и Библия, примитивная народная поэзия, Рабиндранат Тагор, классическая китайская лирика, американский и шведский модернизм — из сплава всех этих разнородных влияний рождается у Катри Валы своеобразное видение мира, необычное самораскрытие ее эмоциональной и чувственно горячей натуры.

Поэтесса называет свою юность

счастливой, словно цветок,
в чьей чаше слеза росы отражает звезды.

(«Мое счастье»)

Сердце ее, словно «маленький алый храм», открыто любви, чувству, непременно опьяняющему и разрушительному:

Почему твой огненный гордый взгляд
сразу стал отчужденным и диким,
как у лесного зверя?

(«Синий сад»)

Ощущение счастья жгуче:

Каждое дерево,
подобно высокой флейте,
оглашает ночь дикарским напевом.

(«Высокие флейты»)

Это ощущение жажды и катастрофы:

Странный страх охватил меня,
но не успела я скрыться во тьму,
как от всего моего существа
осталась лишь горстка пепла.

(«Самум»)

Но эти песни солнечности и нежности уже перемежаются суровыми нотами рока, стихами об «убитой земле», где ткёт свою паутину гигантский паук смерти и над которой

дремлет месяц,
немой, как боль.

(«Холодная луна»)

Трагическое стихотворение «Последнему» поэта посвящает поражению революции 1918 года.

В конце двадцатых годов характер ее поэзии резко меняется, о чем свидетельствует сборник 1930 года «На причале земли». Взгляд поэта, уже не такой светлый, обращен теперь к внутренней жизни, краски стали глуше, а стих — сдержанней. Все это говорит о каком-то душевном надломе.

Сердце мое — покинутый всеми город...

Жуткий солнечный свет

падает на предметы,

которых никто не тронет...

(«Пустой город»)

Упоение жизнью уступает место той космической обобщенности, когда и бытие и небытие кажутся одинаково привлекательными. Иногда, правда, приходит светлое утро счастья, когда можно

жить, —

касаясь пальцами любимого лица...

(«Белые утра»)

Но поэтесса знает, что «цвeток никогда не приносит плода», и хочет «сквозь свое корот-

кое лето пройти без закатов, как лапландское солнце».

В годы мирового кризиса Катри Вала живет с мужем, магистром Хейкелем, в рабочем пригороде Хельсинки, где видит своими глазами, что такое безработица и бесправие, видит всю убогость и нищету окружающей жизни.

Она активно включается в борьбу против поднявших голову фашизма и милитаризма. Катри Вала изучает марксизм, выступает на рабочих собраниях, участвует в демонстрациях, становится одним из основателей Общества финско-советской дружбы.

Сборник 1934 года «Возвращение» — итог большого подъема и обновления ее поэзии. Название книги говорит о возвращении из мира сказок и снов в мир действительности, в мир живых людей.

Нам ли петь о розовых тучках,
если мы сквозь тьму
к новой жизни путь пробиваем.

(«Наша песня»)

Пантеистическое обожествление жизни сменяется признанием человека, участием к его судьбе. Катри Вала воспевает «утро вселенной», чей хлеб принадлежит по праву бывшим батракам жизни. Воспевает вечную жатву как символ народного упорства и радуется

цепям из сердец человеческих,
опоясавшим шар земной.

Зная по собственному опыту, что такое материнская радость и материнская скорбь, она страшится за тех, кто еще не родился, за тех, кто придет в этот мир истребления и войны. Поэтесса жалуется:

Я лишь мост,
ненадежный мост на человеческом пути.

(«Мост»)

Но она верит, что «освободители воскресают из мертвых», что

рождаются дети,
в них — мятежная песнь жизни.

(«Ироды и освободители»)

Катри Вала часто прибегает теперь к библейским мотивам, издавна знакомым народу. Эти мотивы придают монументальность ее стиху, объявляющему теперь войну «иродам» и «князьям тьмы» («Кнут сына человеческого», «Восточные волхвы», «Строители башни»).

Четкая социальная позиция поэтессы вызывает замешательство и даже разочарование у ее прежних поклонников, но одновременно вербует ей новых сторонников, несмотря на то что критика открывает по ней огонь.

В стихотворении «Флейта» Катри Вала говорит о себе, что она

...не знаменосец
и не герой, зовущий в страны зорь:
я всего лишь флейта
прибрежных лоз...

Хочу,

чтоб мятежный дух света
слышал во мне свою

престую песню.

В ней голос любви и муки,

гнев бури

и первый луч рассвета.

Тем не менее для той прогрессивной интеллигенции, которая в годы реакции создала

политически левую группу «Киила» («Клин»), Катри Вала была и знаменосцем и вожатым. Своим рождением (1936 год) эта группа непосредственно обязана Катри Вале, давшей своим творчеством толчок новому общественно-идейному направлению, которое надолго становится лидирующим в финской поэзии.

Сборник «Горит дерево гнезд» (1942 год) оказался лебединой песней Катри Валы. По ее собственному определению, это «суровая песня борьбы», отвергающая все пацифистские иллюзии. Жестокая действительность превзошла наихудшие опасения, повсюду горят и гибнут в огне войны человечьи гнезда, «реки смерти разливаются среди тучных полей» («Наводнение»).

Но моя молодая песня замерзла...
моя песня — уже старушка,
бедная и усталая:
синей опухшей рукой
хворост она кладет
в мою убогую печку...
Но горит сигнальным костром
красный огонь рябин.

(«Зима пришла»)

Но все же поэтесса верит в будущее, верит в то, что весь ужас насилия, все уродство настоящего — не более чем

гнильный уродливый шрам
на дивном лице земли.

(«Весенний ветер»)

Сборник заканчивается стихотворением «Книга пророков», монументальной картиной того близкого будущего, когда человечество станет свободным.

Катри Вала умерла от туберкулеза в шведском санатории Эксьё в 1944 году. Год спустя ее прах был с почестями перевезен на родину и погребен в Хельсинки.

Поэзия Катри Вала остается и в наши дни одним из самых своеобразных явлений финской литературы. Образы ее до предела экспрессивны, но в то же время лаконичны и естественны. Содержание этой поэзии очень цельно. Основной мотив всех стихов — это утверждение жизни, сознание своей неотделимости от человеческого братства, тревога

за его судьбу, материнская любовь ко всему миру, победный гимн во славу будущего.

Катри Валу называют на родине светоносцем финской поэзии. Она заслужила право на это имя всей своей короткой жизнью, исполненной высокого душевного горения, всем своим ярким и страстным творчеством.

Дебора Вааранди

ДАЛЕКИЙ С А Д

1 9 2 4

П о с л е д н и й в е ч е р а п р е л я

Тихий вечер.

Стрехи уже не вздыхают под ветром,
и солнце скрылось.

В молчаливые синие сумерки
погрузились леса и скалы.

Из смолистого курева темной заросли
луна выплывает

и застывает

на небе,

словно большой изумленный цветок,
пахнувший свежестью ночи.

Бледный, колеблемый свет
и неподвижные черные тени...

Где же вы, песни вешних потоков,

где ваш голос, полный жизни,
птиц перелетных кликам подобный?
Где ты, время,
когда зеленая кровь травы
кажется алой?

На груди земли

Как хорошо прильнуть к тебе, земля,
окунуться в море твоей зелени!

Сквозь траву пробивается нежная синь
подснежника,
словно удивленный глаз.

И сверху, сквозь листву ветвей, сочится
зеленовато-желтый свет.

Люблю тебя, земля,
черную и коричневую,
зеленую и выжженную зноем!

Люблю тебя, земля,
то замирающую, то опять живую...
Твоя грудь — как зеленый алтарь.
Мое тело, приносимое в жертву жизни,
впитывает его ароматные курения.

Земля!

Сделай меня себе подобной,
обновляющейся, созидающей
силою бесконечного вдохновения!

Если глаза мои ослабнут,
сердце затихнет и онемееет,—
пусть властный зов твой, крик твой,
дикий, пылкий,
меня пронизет брызгами расплавленного
зола
и вновь во мне разбудит
мир солнечный, сияющий, цветущий.

Цветущая земля

Земля изукрашена пышными гроздьями
лиловой сирени, инеем белым рябин,
созвездьями алых гвоздик.

Всюду цветы — синие, желтые, белые, —
как безумное море, волнуются луга.

Аромат их
прекрасней и нежнее курений священного
ладана!

О, горячий, безумящий, языческий
запах тела земли!

Жить, жить, жить!

Жить увлеченно, страстно!

Видишь, лепестки до предела раскрыты?

Я хочу так же цвести,

благоухать, опьяняться солнцем
и стремительным жизни потоком.

Что с того, если подкрадется смерть,
что с того, если пестрая красота трав
скоро истлеет,—
хоть однажды в жизни узнали травы
буйство цветенья,
и освещало их щедрое солнце,
и с безграничной любовью
небо в сердца глядело соцветий,
познавая всю их глубину.

С о л н ц е   з а х о д и т

Ты утомленно дышишь,
холодное красное солнце.
Еще недавно ты пылало над землей,
в блеске слепящем
катясь в высоте.

Ты прячешься за море,
а на морском берегу
остаюсь я, маленькая и одинокая...
Солнце, горящее дивной красотой,
солнце, холодное в багровом сиянии,
сердце мое леденеет:
зачем ты меня покидаешь так безучастно?
Посмотри, как я дрожу,
как простираю к тебе руки,

когда ты отводишь лучи от меня,
перестаешь озарять мою душу!

Солнце священное!
Вот мои бледные руки:
унеси меня через вишневое море
в жгучее сердце твое.
И с тобой полечу я
в дальние страны!

О с е н н и й д е н ь

И поле, и лес, и небо
исполнены печальной красы.
Тихое дыханье и усталая улыбка
блуждают в синем воздухе.
Солнце осыпает землю
холодным светом.
В запоздалой зелени деревьев
густеют капельки багрянца,
среди травы и мертвых листьев
еще синеет одинокий робкий колокольчик.
По склонам скал
стекают красные артерии брусники.
И небо, летом близкое к земле,
теперь почти недосыгаемо,
и синева сгустилась,
словно это небо летними ночами

в себя впитало синеву цветов земли.

Все кануло:

и вдохновенные мгновенья летних дней,

и светлые улыбки летней ночи.

В холодном свете солнца

витают, колышутся запахи

ржаных колосьев, спелых яблок.

Повсюду слышен шорох

слетающих семян.

У б и т а я з е м л я

Черная и мертвая
с опустошенной грудью
лежит земля.

Стон сотрясает небеса,
и горе черными потоками
сбегает с холмов,
недавно цветущих.

Горы и воды
смотрят с немим укором,
и тусклыми очами озера
глядят на жатву смерти.
Дух трупного тленья бродит
по лесам, по болотам,
вокруг домов притихших.

Раздаются чьи-то шаги,
и тревожно воют собаки.
И, скованные цепями страха,
люди дрожат
и вскрикивают во сне.

Но среди бегущих облаков
мерцает далекая звезда;
мерцает и светит
в угольно-черную тьму.

Первый снег

Я забыла о белизне,
глядя на густые краски осени,
и однажды утром белизна
расстелилась передо мной.

Я остановилась, удивленная:
на моей щеке снежинки
ласково распались
в прохладный запах.
И покой белизны, как напиток,
утолил мою жажду.

Будто бы творец, листая книгу жизни,
закрыв осеннюю страницу,
написанную золотом и кровью,
и открыл другую, новую страницу:
белую равнину.

Чтобы зимнее солнце
бледными лучами
написало на ней прохладные песни:
песни,
подобные снежинкам.

М о и п е р в ы е м г н о в е н ь я

Тогда на одно мгновение Земля перестала жить
и лапландское солнце погасло на одно
мгновение.

Желто-зеленые факелы северного сияния
за вершинами бледными были почти невидны,
когда, рожденная в муках,
я лежала на груди моей бледной матери
под лучами рассветной луны.

Она улыбалась и плакала,
и я слышала нежный,
и я слышала теплый запах ее груди,
я всосалась губами в багровую глубь соска,—
и жизнь, красивая и печальная,

потекла в мое беззащитное тело
белоснежными струйками молока.

И не было страха во мне,
что все это теплое золото кончится,
потому что грудь моей матери была неистощима,
как Земля, безотказно кормящая
всех, рожденных на ней.

Я также не знала жалости
к моей молодой матери,
которая собственной кровью кормила
меня в предрассветной мгле.

Я имела божественное право на эту жестокость,
право каждой маленькой жизни, родящейся на
земле.

А х, как долго...

Ах, как долго шли годы,
когда мы на ощупь искали дорогу.
Голодные и жаждущие, мы долгими
ночами
изучали книгу жизни,
искали — и не находили ответа.
Немая тьма глядела отовсюду,
над нами издевалась смерть...

М о л и т в а

Господи боже, кем я была?
Всего лишь маленьким огоньком.
Я трепетала в далеком углу
и чего-то ждала.

Господи, больше я так не хочу!
Господи боже, вспыхнуть хочу
высоким и ярким пламенем!
Пускай не пройдет ночи и дня,
как сгорю дотла, все равно хочу
вся целиком превратиться в огонь,
чтоб тянуться к небу сотнями рук,
длинных, дивных и жутких!
Не хочу годами силу копить,
хочу в одну минуту сгореть,
господи боже, хочу гореть!

Даруй мне, господи, ночь и день:
не прошу я жизни долгой и гладкой,
не прошу бесконечных лет, чтоб нести их
к могиле, как цени.

Даруй всего-навсего ночь и день,
и вспыхну я, как огненный столп!
Господи боже!
Господи!

П о т о к

Катится сильный черный поток;
посреди стремнины — крохотный плот,
а на плоту — человек.

Его бледные руки
стиснуты в кулаки,
судорожно и безнадежно.

Поток низвергается в бездну;
небо над бездной напоминает
остекленелое око...

О боже!

Сколько в потоке плотов!

Сколько людей на плотах!

И каждое мгновение кто-то

падает...

**Одни проклинают,
другие — рыдают,
многие смеются,—
и каждое мгновение кто-то падает**

Р а з р ы в

Мы решили забыть о своей любви
и решили врозь по земле скитаться,
не вспоминая имен друг друга.

Какое безумие в этом, боже!
Разве рубец от сорванной ветки
может исчезнуть потом бесследно!

Громко смеясь поблекшими ртами,
мы разорвали красную лилию
и растоптали горящий цветок.

Но красная лилия умирать не хотела.
Было страшно смотреть на ее усилия.
Пламенея, дрожала она под ногами,

и поднимался растерзанный стебель,
как вопли немого о помощи неба.

И свежий снег покраснел от пролитой
крови,
и деревья окутал кровавый туман.

В красном тумане мы взгляды скрестили,
это были взгляды убийц,
и мы отвернулись одновременно —
были ужасны наши глаза.

Зимняя элегия

О, как ты тягостно, время!
Ветер на улице свищет пронзительный.
Где-то
среди голых деревьев
колышется сердце мое на ветру —
чужое, застывшее.
Как давно это было,
когда земля утопала в цветах,
как давно это было,
когда солнце светило, большое и горячее,
как давно это было,
когда я еще любила тебя,
когда я по тебе тосковала.
Где же все это теперь?
Все кажется далеким-далеким,

закутанным в тяжелый покров сумрака:
горе и радость, ненависть и любовь.
Во мгле я чувствую лишь безымянную боль
и страх смерти.
Я словно тону в пучине.

Серая песня

Я хотела бы спеть такую песню,
чтобы нежная была и простая:
словно сложенная из хлопьев дыма —
серая песня.

Тихой грустью она могла бы тешить,
сероглазой покорностью баюкать:
ни один ее звук бы не был громок,
ни одна ее краска не могла бы
ослепить и обжечь...

Такую песню
я хотела бы спеть, чтобы, услышав
эту песню, пришел протяжно-долгий
зимний вечер... На крыше снег...

И угли
в очаге красно-сизые... И руки

на колени уронены... И смотришь
в эти углы, в мечту...

С далеких, давних
дней журчит в моем сердце эта песня,
полусонная, словно самопрялка,
на которой прядут седую пряжу —
бесконечный рассказ из серых нитей,
серых нитей, что льются, как дождевики,
из клубков-облачков пушисто-серых.

Наивная сказка

Жила когда-то принцесса
нежная, как подснежник.
Жизнь ее не услышала —
так тих был ее голос.

И принцесса вынула сердце
из своей груди
и стала с ним беседовать.
И оно пылало,
как рубиновая чаша.

И принцесса угасла,
но сердце ее
горящим факелом носилось над
пустынями

и нашло жизнь.
Но в ее грубых руках
рассыпалось в красные брызги.

Н и м ф ы

Нимфа в красной вуали сказала:
«Краше всего облака над землей,
бегущие в небе лазурном,
словно огромное стадо овец,
или скользящие серыми клочьями,
как гигантские птицы,—
кажется, крикнут они и заплещут
крылами.

Прекрасна и грозная туча:
в сумраке гневно вздымается
темно-лазурная голова бога,
и гром и блеск потрясают окрестность.
Прекрасны облака и тихим вечером,
когда они купаются в алой заре,
как огненно-красные кувшинки у берега
могучего золотого моря».

Нимфа в золотой вуали сказала:
«Краше всего — бабочки и цветы;
если ты крохотный — вот колокольчик,
ну-ка, взберись на его лепестки!
От них прозрачный воздух синее
в жарких солнца лучах.
Чудо, что ты не умираешь от блаженства,
если, счастливый, купаться начнешь
в пыльце золотой цветочной.
Сколько бабочек!
Ангелов красота
блекнет перед их красою».
Та нимфа была мала и простодушна.

Нимфа в синей вуали сказала:
«Краше всего — бьющий родник
с дном из золотого чистого песка;
ветви деревьев смотрятся в воду,
а от листы и блестящих лучей
ложатся золотисто-зеленые блики».

Нимфа в зеленой вуали сказала:
«Краше всего — болото,
загадочное всегда.

Когда в лодке плывешь
по заболоченной черной реке,—
небо над головой тускло-синее,
и лунный свет серебром
озаряет болотный туман,
пахнувший вереском».

Т а д ж - М а х а л

Вечерами,
когда мне грустно и одиноко
и когда я устаю от моей бедной жизни,
приходит ко мне моя странная детская
сказка-мечта:
я вижу себя маленькой девочкой
в далекой стране Востока.

Вечереет — и я спускаюсь к Джумна-реке,
где дворец беломраморный покоится
в тишине лесов;
и я приношу цветы для Мум-Тадж-Махала,
цветы сандала и цветы пепала.
Золотистой свежестью светится
лик Тадж-Махала,

прозрачно-продолговатый, как спелый плод,
и я опускаюсь у ног Тадж-Махала на
мраморный пол,
и под шорох листов пепала погружаюсь в
мечты,
и в мечтах мне любовь воздвигает дворец —
прекраснее Тадж-Махала,
выше, чем Тадж-Махал,—
вечный дворец.

Т и х и й, г р у с т н ы й в е ч е р

Тьма давила.

Ничто не могло шелохнуться.

Где-то плакала маленькая птица,

всхлипывала, как ребенок,

и не могла заснуть;

она потеряла кого-то...

Листья опадали, осыпались...

Я посмотрела на месяц:

бел и узок был его серп.

Красная луна

О луна, какая ты багряная!
Где была ты? Что видела?
Тихо выплываешь ты из-за деревьев,
и на лице твоём — странный трепет.

А! Ты была в далекой стране,
где пируют прекрасные люди,
где слышится смех
и воздух напоен ароматом
спелых плодов;
в твоём сиянье там
мелькают обнаженные тела
и осыпаются тенистые цветы.

Ты присела среди пирующих,
ты охмелела от чудных пальмовых вин,

и девушки, смеясь,
твое лицо омыли алым соком лепестков.
Ты и теперь еще видишь:
сквозь прозрачные, смуглые пальцы,
сверкая, брызжут капли сока...

И ты —
прежде холодная и немая —
полыхаешь багрянцем,
благоухаешь.
Ты чем-то взволнована,
и на лице твоём странный трепет.

Вечер в далеком саду

В саду беломраморный бассейн,
а вокруг бассейна
алые, как пламя, гладиолусы.
Поодаль холм, усеянный
черными фиалками.
Аромат отдаленных магнолий
плавает под перистыми пальмами,
и дрожат пятнистые тигровые лилии.

Дорожка посыпана белым песком.
Отраженьями гладиолусов
горит вода,
и высоко взлетает фонтан,
прозрачно-красный в лучах заката...
Скоро ночь.

Ж е л т ы й н о к т ю р н

Вот выплывает луна,
как корабль озаренный,
серпообразный и желтый.

Помню, в далекие дни
ты вдруг явился в смятенье,
сердце просил у меня.

Ныне ты держишь в руках
сердце мое. И жестоки
твои большие, красивые руки!
Я поднимаю к луне
руки свои, потерявшие силу.
Как озаренный корабль,
в небе луна проплывает.

Ты позабыл
сердце свое мне отдать!

П о с л е д н е м у

*Ах, как долго шли годы,
когда мы на ощупь искали дорогу.
Голодные и жаждущие, мы долгими
ночами
изучали книгу жизни,
искали — и не находили ответа.
Немая тьма глядела отовсюду,
над нами издевалась смерть...*

Разомкни свои губы,
кричи!

Все погибло!
Солнце упало
и угасло.

Земля отцвела:
нет больше смеха.
Скоро и силы иссякнут.
Все погибло в борьбе,
ты — последний,

но и ты...
скоро погибнешь.

Пока жив,
разомкни свои губы,
кричи!
За тех,
кто прошел по жизни,
за тех,
кто, сражаясь, погиб,
за растоптанные надежды,
за безвестных борцов
отомсти!

Солнце угасло,
сойдя с орбиты,
Земля блуждает
по тропам вселенной.
До Того,
кто вызвал нас к жизни,
пусть гневный крик долетит.

Искра угасшего пламени,
разомкни свои губы,
кричи!

Донести до престола Владыки
проклятья
погибших за правду,
донеси до Него
имена безымянных!

Земля

Прекрасный ангел бога
вышел из белых чертогов рая,
ступил на хрупкий полумесяц
и посмотрел на Землю —
на этот, летящий вперед,
мерцающий шар.

Там расцветали поля,
зеленели деревья,
там созревали плоды
и листья желтели,
и бесшумные хлопья снега
заметали
след жизни...

И на лоне Земли
рождались,
росли, расцветали и умирали,
плача и смеясь,
любя и ненавидя,
люди.

И плач был громче смеха,
а злоба — сильнее любви.

Но дивной красою сверкала Земля.

Незримые цветы и девственные дебри
трепетный аромат воздымали к небу,
и в этом аромате,
подобно неувядаемым
королевским лилиям,
подымались добрые духи
незаметной любви.

И потому — рыдания были прекрасней
смеха.

И скучно стало ангелу
в его холодной вышине,

и захотелось ему быть
смеющейся и рыдающей,
цветущей и умирающей
пылинкой Земли.

СИНЯЯ ДВЕРЬ

1 9 2 6

Синяя дверь

Когда мне грустно и одиноко,
я закрываю глаза
и вижу
далеко-далеко
твою синюю дверь.

О моя далекая сестра под жарким
солнцем!
За твоей синей дверью
все, чего не бывает на свете,
что случается только во сне.

М о я х и ж и н а

На краю пустыни
стоит моя хижина.
Только солнце, что подымается из
песков,

видит ее.

Только волшебные глаза
диких газелей и птиц
глядят на нее.

Там дышит молодость моя,
счастливая, как цветок
с чистой росинкой в глубине
венчика
и с отражением звезды
в глубине росинки.

Утренняя песня

Я сладко-сладко спала,
укрытая звездным небесным плащом,
и проснулась от разговора лучей
в росистой садовой листве.
С черных гор ко мне прибежала река.
Вода ее, пахнувшая пустыней,
ласкает, смеясь, мое тело.
О все на свете цветы,
о плоды из далекого детства,
у которых под кожей прозрачной
переливается сок,
как вы грациозно склонились
перед ладонью моей!
Словно вы не смогли устоять
перед этим маленьким божеством.

С и н и й   ц в е т о к

Кто там тихо блуждает под пальмами,
напевая?

Его дыханье несет прохладу
деревьям, цветам и гнездам.
Не вечер ли там блуждает?
Не вечер ли синим цветком коснулся
моего сердца,
дремлющего под солнцем?
Куда-то уже улетела птица,
и за хижиной моей
звенит
серебряный колокольчик.
Из опрокинутого кувшина
на каменный порог моей хижины,
журча, струится вода.

Всадник

Мимо хижины моей промчался
всадник на коне, как пламя, белом:
быстро глянул черными глазами,—
и глаза его запылали,
как пожар среди ночного леса.

Нынче я разбила самый лучший
свой кувшин...

И заплакала над ним.

С а м у м

Меня разбудили шаги.

Кто-то застыл в дверях и смотрел на меня
в упор.

Я ничего не видела — только его глаза,
только их ненасытный черный огонь.

Странный страх охватил меня,
но не успела я скрыться во тьму,
как от всего моего существа
осталась лишь горстка пепла.

И тогда он заговорил,
и я, покорно ему внимая,
склонялась всем телом, как дерево
под жарким полетом самума.

«Я увидел тебя, улетая в пустыню,
и с тех пор сильнее, чем зверя, мою душу
мучает жажда.

Ты — единственный водопой на свете,
ты пахнешь текучей водой —
вся пустыня об этом пела».

Но разве в пустынях кричат от счастья?

С и н и й с а д

Почему твой огненный гордый взгляд
сразу стал отчужденным и диким,
как у лесного зверя?

Я купалась в реке
при дрожащем свете зари,
и мохнатая красно-рыжая водоросль
обвила мою шею.

Солнце бредет, как музыкант златокудрый,
по синему саду,

а ноги мои — словно дикие козы.

Хочешь, спляшу для тебя под этим цветущим
деревом?

Смех солнца

Солнце, ты — огонь и сверканье,
ты — смех, золотой и жаркий;
смеются твои лучи
всем деревьям, цветам и гнездам.
Я роняю циновку из камыша,
которую с песней сплетала,
и веки мои тяжелеют сладко.
Зрелый плод упал на мое плечо,
а на мой кувшин опустилась пичуга
с раскрытым от жажды клювом.

Серебряная нить

Стою, обняв газель.
Мы обе глядим на луну.
Она выплывает из-за темных гор,
как богиня, что после купанья выходит
из волн,
легким облачком окутав
белые ноги.

Молчит великая пустыня.
Вот — соловей ударил
в маленький тамбурин,
и серебряной нитью
песня его потянулась
к синему куполу неба.

Звезды остановились.
Слушают, не мигая.

Маки

Не боги ли в эту ночь
посетили мой сад?
Все до единого раскрылись маки.
Кажется, если выйду,
их маленькие факелы
сожгут меня.

Точно капельки незримого фонтана,
птичьи трели брызжут и сверкают.
Сердце мое и смеется и плачет...
О ветер пустыни!
Унеси его вдаль!

Высокие флейты

Солнце ушло... Дрожу...
Сон от меня сбежал.
Мак пылает во мраке,
лев рычит вдалеке
о своей ужасной любви.
Мне чудится, будто чужое дыхание
обжигает мою обнаженную грудь.
Покраснев от стыда, выбегаю из дома,
чтобы тело в реке остудить.

О, горе! Каждое дерево,
подобно высокой флейте,
оглашает ночь дикарским напевом.

Восторг

Ты ощутил, любимый,
как ветер с песенкой звонкой
меж наших щек проскользнул?
Это он от восторга.

Спой мне, любимый, о том, как море
вдыхает под крупными звездами.
Не целуй меня больше в глаза,
не сожги их совсем, любимый.
Лучше спой, чтобы я увидела
море нашей любви,
а в море — наши тела
и на них мерцание звезд.
Долго ли мы плывем с тобою:
целое тысячелетие или только одно
мерцание?

А л ы й х р а м

Солнце, войди в мое сердце,
в этот маленький алый храм!
Пусть ликующий храм заполнят
твои золотые глаза!

Как я тебя люблю,
идол моей души!
Я при тебе нема,
все слова позабыты мною.

Стань же, солнце, криком моим золотым,
счастливым криком моей любви,
великим гимном белого хора на алтаре
алого храма,
убранного цветами.

Б е л ы е в а з ы

Скромной лаской твоей
Сердце мое полно,
Как цветок на заре — росой.

Сильный и добрый, зачем
ты предо мной преклоняешь колени?
О, не смотри мне в глаза!

Ты говорил, и слова
венком обвили мою голову;
кажется, в комнате всюду блестят
прозрачные белые вазы,
сияния солнца полны.

Не поднимай же головы,
чтобы нам не поранить руки
об осколки разбившихся ваз!

Душистый горошек

Теплой ночью, душистый горошек,
ты раскрываешь венчики,
и свежесть из них струится.
Я тебе расскажу свою тайну:
эта тайна боится света,
но во тьме настигает меня.

Щекой прижимаюсь к твоей щеке,
бархатной, нежной, душистой,
и почему-то краснею —
слишком уж я молода.
Краснею, будто неистово
кто-то плечи мои целовал.

Душистый горошек, ты улыбаешься,
притаившись в ночной тишине?

Глаз я твоих не вижу, но кожей
ощущаю твою улыбку.

Со смехом и со слезами кидаясь
в твои объятия душистые,
и капают поцелуи цветов
на мое горячее тело
тихим нежным дождем.

С о л н ц е е щ е н е в з о ш л о

Солнце еще не взошло.

У пруда, освещенного круглой луной,
ароматы сада слышнее.

Вижу в свете луны,

как ты плывешь по воде.

Слезятся глаза от запаха белого табака.

Скоро поднимется солнце,—

пробегают по саду дрожь ожидания.

Сверкает вода вокруг обнаженного тела.

Запах горошка душистого wpłyвает во тьму
окна.

Душа моя склонилась в окне над садом:

так на рассвете,

покуда не вышло солнце,

склоняются книзу цветы под ношей росы.

Т о с к а

Любимый, над нами — огромный синий цветок
темного неба
и звезды, как золотые пчелы,
мед собирают в его лепестках.

Молодость и томленье нам спать не дают обоим,
накрытым чашею ночи.
Бьются о стенки чаши наши сердца,
как птицы о прутья клетки.

С тех пор уже много дней исчезло за
горизонтом
и много вдаль улетело
ночных златокрылых пчел.

Больше уже не скользну в объятия твои
слепящие
все это улетело,
исчезло за горизонтом.

Жемчужная цепь

Я — лишь маленькая девочка
под твоим горячим взором,
который жарче твоих ласк.

Только грустное сердце
могу я тебе отдать.
Скользит моя тень лихорадочно
по твоим ногам.
Немая от любви,
я смотрю на твое лицо,
мой смуглый кумир,
и сердце мое, как тайник,
прячет жемчужную цепь
дней и ночей,
которые ты мне подарил.

Если же ты, уставший от ласк,
закроешь глаза,
я исчезну тише,
чем звезды с утреннего неба.

П о с л е т в о е г о у х о д а

Помню, во сне
услыхала я горький плач:
плакало сердце мое от любви.
Но не могла я проснуться:
ты меня вечером нежно укрыл
жгучим плащом твоих ласк.
В море цветов я лежала,
трепеща от восторга.

Наконец я проснулась:
казалось, грозили мне моря валы,
брызжа в лицо горьковатой влагой.
Сердце мое кричало:
поздно... отчалил корабль!

Я прижалась лбом к ледяному стеклу,—
таял, белея, чуть видимый парус.

Губы зари целовали
бледные щеки мои.

П и с ь м о в с т и х а х

Я нынче утром проснулась
в большом городе.
Рынок у моря шумел,
полный плодов, цветов и кореньев.
Белый большой пароход
унес меня в теплый
маленький город садов.
Сейчас я в доме, который
стоит в саду, где яблоки зреют
и растут яркие, кислые вишни.
Вот уже и стемнело,
лишь в небе — бесшумное дивное пламя.
Я устала от всего,
что было и есть.
Я помню тяжелые дни в лесах
и неподвижные ночи, полные
запахом табака и желтым лунным сиянием.

Помню твое загорелое тело
и душу, как твои глаза, золотую,
и аромат твой, ласковый и тяжелый...
Как по тебе я скучаю!

Твое имя

В минуты своей свободы
твое имя шепчу я сумеркам,
с улыбкой шепчу твоё имя.
Оно совсем как живое,
как лепечущее дитя,
и, повторяя в сумерках
имя твоё с улыбкой,
кормлю я своё дитя
кровью красного рта.

И почему-то роняю слезы.

Л у н н а я н о ч ь

Сегодня за окнами лунная ночь.
Мы видим друг друга:
бледные щеки, больные глаза.
Темный твой рот, твой рот
открыт, словно для крика.

Оба в дрожи, оба в беспомощности,
мы целуем друг друга,
чтобы не закричать.

За окнами лунная ночь.

Снежинка

Вереница дней унесла в забвенье
наши радости бурные.

Но помню, однажды
губы твои на прощанье
коснулись лба моего
легче нежной снежинки.
И была вокруг белоснежная нежность,
такая, что плакать хотелось.

Память об этом приходит ко мне
в синие вечера,
распускаясь робким цветком
с ароматом едва уловимым.
И тогда из сердца уходит все,
кроме нежности белоснежной.

Ее пересекает черпый, черный,
беззвучный, безответный,
без огонька единого —
корабль.

Белое сердце

Кто-то плакал все время,
вздыхал весь день и всю ночь напролет,
и никуда не могла я
убежать от этого плача.

Но сегодня утром он стих
в ту минуту, когда я открыла,
какие огненные ковры
на стенах повесил рассвет.
Плач мгновенно затих,
и сквозь колыханье гардин
я в саду увидала покойницу.

«Та, что плакала, умерла»,—
я устало подумала
и, взглянув на лицо покойницы,
увидала свое лицо.

— Почему она умерла? —
я удивленно спросила,
и в ответ краснощекий рассвет
склонился над белым сердцем
покойницы,
брошенным на подснежники.

Кто-то выпил всю кровь из сердца.

Птичья сказка

Купаясь в угасающем зное полдня,
я увидела тебя,
маленькая белая луна:
ты плыла по залитому солнцем небу.

В кустах пела птица:
«Влюбленная богиня мчится
в перламутровой лодке
по светозарному морю небес
на зов прекрасного пастуха,
чья песня,
полная странной тоски,
донеслась до нее
через самые высокие горы
мира».

...Черные ласточки улетают
к золотистым россыпям смеха;
чьи-то нежные руки из лодки
сыпят жемчуг на облачные острова.
С приходом темных осенних ночей
они станут блистающими звездами.
Тогда
прекрасные сердца
уже бездыханными
волны вынесут на черный берег.

Холодная луна

Я зябну,
стоя в тени осенних деревьев...
Воздух бел, точно заиндевелое стекло.
На пустынном небе дремлет месяц,
немой, как боль.
Лучи его холодными лезвиями
касаются сердца,
радость угасла,
только сейчас я заметила,
что в руке у меня
пригоршня желтых листьев.

Счастливая минута

Душа полна слезами и улыбками.
По влажной тропинке иду,
и влажные звезды лесные
прилипают к ногам на ходу.
Я говорю тихонечко:
— Господи, ты прекрасен! —
И с деревьев сыплются капли,
золотые, зеленые, ароматные.
Мои счастливые мысли
меньше, чем синие бабочки,
и забот у меня не больше,
чем у ягоды на поляне,
которая держит цветок,
как держали бы детские пальцы
красное солнышко напоказ.

В летний день

О! Как чуден ты, зной,
когда нежными руками охватываешь
мое иззябшее сердце.

Я отдыхаю, закрыв глаза,
я насквозь пронизана
расплавленным золотом солнца.
И лепь шелохнуться,
когда на лицо падают
лепестки маков.

О с е н н и й в е ч е р

Выхожу на берег. Надо мною
тихое, высокое небо,
сотканное из звезд.

Черные волны бьются о черные камни,
и на прибрежном дереве
трепещет
последний листок,
словно рука пловца, который тонет,
или немой крик боли.
В этом трепете отчаянье, смятенье...

Лесная фея приподнимает
хрупкую чашу луны
над вершинами деревьев;

край лунной чаши обламывается,
и со звоном
осколки сыплются в темную воду...

И плачет эхо в тени деревьев.

Сумрачная комната

В комнате было сумрачно.
Слева и справа отсвечивал
оранжево-желтый цветок.
Я очень-очень устала
и хотела молиться
цветку, огню или божеству
с желтым лицом и жестокой улыбкой.
От бронзовой старой лампы
струилась волна аромата.
В печке огонь догорал.
Кошка сидела у дверцы открытой
и, не моргая, смотрела в огонь.
Комнату сумрак наполнил.
Сумрак дышал и смотрел из угла.
Ни звука, ни слова.
Так больно и горестно.
Плакать хотелось.

Б о г и я

Я целый день листала две большие книги
о бабочках, цветах, о золотых жуках...

Я читала, затаив дыханье,
и когда на миг очнулась,—
увидела, как ты, создатель,
через мое плечо заглядываешь в книгу.

И вдруг
я тебя полюбила.

Наверно, ты был еще молод,
когда все это создал...

Как счастлив ты был,
когда,
сверкая алмазами
и крупинками золота,
все это
выпархивало из твоих искусных пальцев!

Как много создал ты красивых безделушек!

...Потом ты создал человека,
а человек придумал много зол:
различных партий, армий...
Как это надоело!

О, если бы ты все еще был молод!
И, только что создав цветы и мотыльков,
подошел ко мне, таинственно сияя,
и взял бы меня за руку, как старший брат —
сестру,
и повел бы меня смотреть
твои творенья!
Я глядела бы во все глаза.
А ты —
ты был бы чуточку польщен.

Я листаю две большие книги,
а ты, создатель,
глядишь откуда-то издалека
и печально улыбаешься, вспоминая время,
когда еще был ты молод.

Утренняя песня

Сколько силы во мне,
о солнце, отец мой!
И гибок я, словно тростник.
Меня полюбила бы и принцесса,
но есть у меня маленькая любимая,
прекрасная, как молодая луна.

Вечером она плакала о браслете,
что обронила с ноги.
Утром она смеялась моей силе,
когда по коралловому песку
я нес ее к морю купаться.
И потому сегодня утром я направлю
лодку мою к тебе, о солнце;
и я поцелую тебя в золотое лицо,

когда ты подымешь его из моря.
Кто же, если не ты, взлелеял
мою маленькую пальму?

О солнце!

Я полон силы, полон любви!

Я — смех великого моря,
я — музыка тысячи флейт,
безумных от счастья!

Что, если я брошу тебя,
как щит золотой,
в хижину милой, к ее ногам,
чтобы она разглядела в тебе
свое отраженье?

П р е к р а с н о е

О храм, недостигаемый для взора!
Над звездной бездной
растет цветок.
Преодолев три моря,
на своей ладье
достигну
предела черных вод.
Там белизна и радость,
там преображенье.
Я отражение морей земли,
глаза от блеска закрываю,
не смею испытать прекрасной влаги,
я знаю:
свет в руке не удержать.

**А в далях
над звездной бездной
все то же, вдаль зовущее
недостижимое.**

НА ПРИЧАЛЕ ЗЕМЛИ

1 9 3 0

На причале земли

В сердце боль. Но путь мой не кончается..
Лампы на цепях скрипят, качаются...
Тихо парят
хлопья снега, белым воздух делая:
чудятся цветы большие, белые,
их аромат.

Я в каком-то странном новом городе,
а зачем — не знаю... Звуки, шорохи,—
то планеты надо мной прошли...

Больше сердце за моря не просится:
просится к другому краю космоса,
к одинокой звездочке вдали.

Все прошло... Ни зги, ни тропки памятной...
Взмой же, золотой небесный парус мой:
унеси меня на грудь земли.

Звезда

Ты видел, упала звезда,
оставив дрожащий след в синеве?

Стало жарко в моей душе и светло
туда, задыхаясь, упала звезда.
Я — дрожащий след ладони твоей,
я — радостный крик в горах,
я — улыбка и слезы счастья.

С безмятежным лицом провидца,
с улыбкой, такой прекрасной,
ты слушаешь, мой любимый,
гул, разбудивший ночь,
водопадный гул нашей радости
среди дремучих лесов.

Перед приходом весны

В этом темном лесу
спит сторожко весна.
Старайся ходить потише,
не разговаривай так горячо,
не спугни этих темных деревьев
в их ожидании чутком!
Ты спрятал в своей ладони — мою,
как зернышко в черной земле.
Погоди всходить, мое солнце,
погоди — не буди меня!
Пускай моя сила подремлет
в колыбели спящей весны,
в колыбели еще не родившейся
божественной красоты.

Б е л ы е у т р а

Белые утра приходят тихо, тихо,
по плечам земли рассыпая
пушистые кудри.
Из чащи лесной выпархивают
крохотные бусинки песен
и ударяются о синий колокол неба.

Какое счастье —
белыми утрами
жить,—
касаясь пальцами любимого лица
и губами чувствуя
вкус жизни...

Радость врывается в сердце,
как стая птиц...

Я хотела бы разбиться
чистою росинкой —
о маленький колокольчик.

Ч а ш а

Я — хрупкая и прозрачная
чаша в твоих руках.
Твои губы касаются ободка.
Из какой пустыни, скажи,
ты принес эту жажду?
Пей до дна! Пей до дна!
Я собрала с лугов и полян этой жизни
солнечный запах, цветочный мед,
сок таинственных, редких плодов,
волну далекого морского прибоя,
цветы созвездий,
радость и горе,
одинокчество, смерть.

Пей до дна!
Царственная рука
этой жизни
опять наполнит меня.

В п у т и

Нежность в твоих глазах
поит мою душу свежестью,
как теплая туча поит
сухую землю дождем.

Иду с тобою, рука в руке,
сияю — едва заметишь,
иду мимо лета жаркого
по улыбчивой, нежной траве.
Но помню, что к тем, кто не в меру
счастлив,
зима всегда приходит так рано,
что цветок никогда не приносит плода.

Иду с тобою, рука в руке,
быстрым и легким шагом,

сияю — едва заметишь.
Иду по земле прекрасной,
и она окликает меня.
Сквозь лето свое короткое я пройду без
закатов,
как лапландское солнце.

М о р е

Любимый, ты — море, я — берег,
я — берег морской, неподвижный.
Мрачно и грозно
ты прошел надо мною вдаль.
Ты тянулся к чужим берегам,
надменный в своих изменах.
Надо мной повисало отчаянье, как
туман,
покидали надежды и силы,
не знаю, что оставалось во мне.
Но ты возвращался внезапно,
сверкая морскими глазами,
ноги мои целовал,
пел: ты — моя единственная.
Тысячу раз проклинала тебя,
тысячу раз простила навеки.

Б у р я

На улице ветер
поет о буре и смерти,
и серый берег угрюм.
Ах, милый, боюсь твоих глаз,
темных, как эта буря.
Огнем твоя кровь бушует.
Защити меня!
Слышен крик в камышах.
Птица ль в ночи заблудилась,
мечется в поисках гнезда?
Так же ищущу я сейчас твою душу
жажду ее,
в шуме ветра ее целую!

Звездный полет

Точно звезды летучие, наши сердца
парят высоко, высоко над землей.
Вижу взор твоих глаз, вижу сердце твое,
но в божьи сады нам закрыты пути.

Смерти нет, нет греха!
И веленьем любви
устремились мы в вечность,
в блистающий мир,
и над нами моря,
и под нами моря...
Ты слышишь ли, милый, дыханье земли?

О, не гасни, не гасни, моя звезда!
Меня не оставь, моя звезда!
Неужели ты робок, небесный огонь,

и тебе не по силам звездный полет?
Ты в сердце мое, любимый, взгляни,
черпай силы, любимый, в сердце моем!
Ты не можешь упасть,
ты не смеешь упасть:
под нами моря, и гибель внизу.

Где ты, милый? Откликнись!
Где? Отзовись!
Я не вижу тебя,
я не слышу тебя...

Но, как прежде, во тьме,
силу смерти поправ,
одинокое сердце в вечность летит.

Ж а л о б а

Для тебя я цветком была,
я смотрела на свет вечерний
и стояла, любви ждала.
Ты глаза мои целовал,
ты пел на холмах высоких:
«Ты гораздо больше, чем милая».
Я ли знала, что песня лживая?
Я ли знала, что сердце твое змеиное?
С глаз моих прочь!

Свое сердце я бросила в темные дебри.
Ох, эта жалоба!
Имя твое вслух повторяют деревья,
имя, которое некогда было островом
счастья.

П р о б у ж д е н и е

Холодный запах вод, летящих вниз,
и нежная от счастья песня птичья,
и синеватое сияние цветка
в меня проникли сквозь далекий сон.
И падает зелено-алый свет
в меня сквозь полусомкнутые веки.

Откуда я пришла по морю сновидений?
Наверно, я жила и умерла давно.
Наверно, я тогда была печальна!
Как странно:
ведь эта жизнь прекрасна и свежа!
Недавно дождь прошел, береза молода,
и запах тоненький проник из окон в душу,
земля сияет, вся в слезах счастливых,
и солнце слишком ласково и юно.

Что здесь и что же было там со мной?

Ах, правда,

я умру еще не скоро?

Откуда я пришла, никак не вспомню?

Наверно, я была букашкой

и плавала в березовом листе, как в лодке,

и наскочила на соломинку в конце.

О, вечное блаженство пробужденья

от холода воды, летящей вниз!

В е с н а

Весенняя ночь. Так низко звездное небо,
что я пригибаю его
и приближаю к лицу, как росистую ветвь.
Я срываю звездные цветы, блистающие,
нежные:
чуть коснулась моих уст — и проснулась
к жизни — малая почка.
Душу мою переполняет ее ликование,
ее аромат окутал меня легким облаком.

С и н е е   у т р о

О синее, синее утро!
Алым фонтаном солнце брызжет
из чаши белой, заиндевелой березовой
рощи.

Я насквозь пронзена
синью блистающего меча;
о свет, сверкающий свет!
Ты пролетаешь сквозь меня,
как стая птиц!

Маленькая птица синица!
В твоей ликующей песне
одна-единственная струна,—
вон та лыжня, бегущая в гору;
вдоль нее — сегодня моя дорога!

С а м о л е т у

Сказка становится явью.

Самолет! Ты — огромный рукотворный цветок,
серебристо-белый блестящий ирис;
поднимаешься ты из синего озера

и взмываешь высоко-высоко
над залитой солнцем землей.

Ты забыл на земле свой корень,
ты оставил внизу свой стебель,

и бутон твой живет одним прекрасным

порывом:

ввысь!

Между твоими лепестками я взгляну на землю.

Я счастливее всех влюбленных.

Небо так близко,

божье око смотрит на рукотворный цветок.

Новое чудо;
словно корабль, летящий к неведомым
странам,
стремишься ты, блестящий бутон,
вдаль.

Радостная и яростная
жажда открытий владеет нами.
Где ты, неведомое?
Нам тесны и новые просторы!

С л о в а

Меня захлестывает поток, шумящий во мне.
Он весь из слов, из криков, из шепотов...
Но грустно мне от них: мне только грустно,
ибо слов, о которых я мечтаю,— нет.

Весна стояла
под белым деревом,
и в купол неба метнула она золотую стрелу.
Я убежала в нежно-зеленую чашу леса;
«О стрела, дрожащая в небе! — я закричала.—
В тебе, в тебе слова, которых я ищу!»

Меня захлестывает поток, шумящий во мне.
И вдруг я вижу травы,
я вижу деревья:
они говорить не умеют,
слов не знают,
безмолвно их сверкающее войско,
но их безмолвие глубже,
чем слова.

Эпитафия лампы

Я была прозрачна,
как чистая вода,
и черные нити фитиля
были моим сердцем.
А мне хотелось пылать,
чтобы сердце было багряным.

Но слишком сильным пламенем
пронизал меня творец:
я пылала
лишь один священный миг.

И навсегда погасла.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1 9 5 4

Флейта

Нет, я не знаменосец
и не герой, зовущий в страны зорь:
я всего лишь флейта
прибрежных лоз.

Странники-ветры меня колышут
и поют во мне...

Хочу,

чтоб мятежный дух света
слышал во мне свою

простую песню.

В ней голос любви и муки,
гнев бури
и первый луч рассвета.

Счастье

Рядом с твоими снами я пробудилась,
и руки протянула я к твоему дыханию.
Не так ли усталый путник в ночной

пустыне

радостно простирает руки
к огню костра?

Л е т н я я н о ч ь

Вишня старая цветет,
Ночь прозрачна, словно лед,
Утонул в тумане месяц.
Утро алое плывет.

Ты сложил гнездо из рук,
Машут крыльями вокруг
Мотыльки твоих ресниц.
Чей-то шаг раздался вдруг.

Может, человек идущий —
Властелин судьбы грядущей?
Посыпает ли дорогу
Вишня веткою цветущей?

Н е р о ж д е н н ы м

Топочут детские ножки
и кричат задорно голоса
во дворе под моим окошком.
Небо заливается синим смехом
вместе с озорными малышами.
Я с тоской смотрю в страну нерожденных.
Как было бы чудесно
держат на руках маленького шалуна —
продолжателя моей жизни.

Но во дворе бродит молчаливый человек,
копается в помойной яме,
светятся глаза его огромной,
безысходною тоской,—
даже ненависть в них потухла.

А когда-то и он был ребенком
и со смехом тянулся ручонками
к жизни, к маме,
у которой глаза начинали блестеть,
когда она мечтала о счастье для сына.

Я боюсь за вас, шалуны.
Далеко, на солнечном острове,
грохочут пушки,
и над городом кружатся самолеты.
У нас еще мир,
но когда-нибудь смерть обрушит свои
взрывы
на стайку удивленных шалунов.
Мое дитя в стране нерожденных,
стыдно мне, что тебя я введу
в такой мир!

Т а п т а л

По улице тихо бредем мы —
я и ты, который будешь.
Мы с тобой оба голодны.
В витринах — румяные яблоки сложены
в пирамиды,
        и сочные солнца апельсинов,
и винограда жемчужная россыпь.
У распахнутой двери глотаем мы запахи,
и властно ты требуешь: ешь!

Ты не змей-искуситель,
мудрость жизни в тебе воплотилась,
ты знаешь, от чего моя кровь освежается
и становится сильной.
Но ведь денег нет у меня,
и пикто не дает мне работы.

Я быстро прочь уйду,
а ты говоришь с укором: ешь!
Я для тебя — весь мир,
я должна кормить тебя,
как должен бы мир кормить и меня.
Как же мне быть? Разбивать витрины?
Ты не знаешь: за это накажет закон,
ты не знаешь о муках Тавтала,
и тебя удивляет
голод среди изобилья.

Ребенок играет

— На улице дождь,— говорит ребенок,—
а дома так хорошо!

Давай с тобой поиграем, мама,
наш дом — морское дно.

Твои руки, мама,— две рыбы,
они приплывают и ласкают меня,
твой голос, мама,—

серебряный колокольчик
на синей башне:

он звенит над лугами морского дна.

Как мудрый подводный утес,
высится книжный шкаф,—

у него золотые глаза — тысячи глаз

золотых.

А вазы — это раковины,
шумящие уши моря,
а лампа —
это сияющий кораблик,
который, качаясь, плывет над нами.

Скоро я поднимусь на него, мама!

Ж а л о б а

Настает ли мукам конец?
Прочна, прочна ты, нить жизни!
Уйти бы, судьба, от твоих невзгод
в страну мертвых листьев!
Судьба!
Я смеюсь над твоей театральностью,
когда мечом великана
ты рубишь былинку!
За что преследуешь меня?
Зачем тебе мое сердце?
Или оно тебе кажется солнцем,
которое может подняться
выше тебя?

Страдание

Ты подпрыгиваешь, сердце,
словно лодка над волнами.
Кверху, книзу, кверху, книзу.

Лодка, поглубже ныряй.
Там холодных моллюсков спокойствие
и соленое, тусклое, густо-зеленое
царство лилий и влажных огней.
Лодка, поглубже ныряй!

Между чернильными елями
белое лезвие месяца.
Как сладко вонзить его острие,
прохладное, узкое,
в жаркое сердце тоски.

С пением волны смыкаются,
высокие волны шумят
над медленно тонущей лодкой.

С у д ь б а

Утром друг мой спросил:
«Чему ты смеялась во сне?
Смех твой был горек...
Все так же ли ты грустна?»

Я отвечала:

«Вчера я вернулась,
а завтра — уеду.
Какое мне дело до снов!»
«А смех?»
«Снился мне бык.
Он сажал на грядку нежнейший цветок!
О, маленький синий цветок...
Вот почему я смеялась. Смеялась,—
а в сердце впивались шипы.»

Человек

Под солнцем
на берегу счастья и смеха
среди городов из песка
играл ребенок —
их строитель и повелитель.

Пальчиком начертал он на песке
имена друзей,
имена родных и близких,
а на прибрежном камне высек
самое большое слово — «человек».

Море хлынуло на берег и смыло
родные имена.
Ребенок вырос, возмужал.

Море страданий перекачилось через его
сердце,
унесло с собой и силу и радость,
потом положило над ним камень
с таинственным словом:
«Человек».

И с к а н и е

Неведомое зовет.

И маленькая птица — мысль
к берегам летит отдаленным.

По ступеням туч я хочу подняться,
на звездные тропы взобраться,
найти вершину Вселенной.

Звезды будут моими глазами,
я хочу все увидеть, все услышать, все
изведать:

рождение, жизнь,
страдание, счастье и смерть.
Тусклый свет озаряет лишь малую пядь
пути познания:
разве может ребенок ручонками слабыми
сдвинуть горы, заслонившие солнце?

Как маковое зернышко по зыби океана,
плывет земля в пучине мирозданья.

Но я верю, что ветры и волны
прибьют ее наконец к далекому
берегу счастья.

Р о ж д е н и е п е с н и

Мое сердце было раздавленным садом,
пустым, без цветов,
над ним ежедневно звучали
скрипучие шаги будней,
но я ожидала.
Кипело в глубоких потемках земли,
по ночам открывались нежнейшие почки
и стучали о твердую корку земли.

Острый плуг бытия
прошел надо мной, разрезая почву и камень,
он ранил меня, я дрожала от боли.
Внезапно возник надо мною зеленый огонь,
молодой, сияющий дух земли.
Я так была удивлена и покорна,
как, должно быть, Адам в свое первое утро.

Вечные травы

О вечные травы!

Зеленые ваши народы
текут на восток и на запад
через Евразию и Африку.

Густая кровь земли
вспоила даже самых малых ваших сестер
именем Доброй надежды.

Запахи земли коснулись глаз моих — я вижу,
коснулись ушей моих — я слышу.

Куда-то отодвинулись пространство и время.

Вокруг — только безбрежные степи,
красные маки полыхают во тьме:
это вереницы сердец опоясывают землю.

Тысячи-тысячи лет назад и сегодня
звучал и звучит голос земли:
это путь жизни.

Моя младшая сестра

Ничто на земле не светится так,
как юность моей сестры.
Вокруг ее золотых волос
понемногу светлеет вечер.

У нее сегодня иные глаза:
это совсем не глаза ребенка,
одновременно и страсть и робость
под самым чистым на свете лбом.

Она склоняется и долго слушает
неведомый трепет сердца.
Оно светлей молодого леса,
качающегося под апрельским дождем.
Но в его полумраке — дыхание тайны,
но в его полумраке — полубог-полузверь,
и моя сестра улыбается вдруг смущенно.

П р а з д н и к о с е н и

Густые, душные ночи.

Падают, падают фрукты.

Слышишь ли стуки в саду?

Земля издает барабанные звуки

и тихо звенит этой иссиня-сливовой ночью.

В плодах догорают летние полдни,

в прозрачности яблок — сияние белых ночей!

Багровые помидоры поют:

наше тело — сплошное солнце!

Это праздник плодов и восторг совершенства,
далекого зарева блеск.

Слышишь ли стуки в саду?

Земля издает барабанные звуки.

Осенний вечер

Разгоряченное чело небес покрылось
прохладной тенью сумерек вечерних,
скользят сверкающие корабли
и режут, словно острием алмазным,
темнеющее зеркало морское.
И узенького облака полоска
напоминает флейту невидимки,
играющего тихо песню солнца.

С н е г

Ты видишь, зима за окном опускает
занавес белый и тихий.

Множество шелковых колокольцев
коснулись окна
нежнее, чем тишина.

Были нервы натянуты, словно струна.
Суета, беготня, шумиха
пролетали со стоном над головой.
Ты была раздавлена, словно червь
дождевой.

Боже, как хорошо сейчас!
Ты притихла в своем жилище,
ты — жемчужина, ты — внутри
белой, бархатной жизни.
Ты — сверкающая, вечная, величавая.

Снег, за стеклами плавая,
напоминает белое зарево дыма.
Прохладная фея зимы
спокойно проходит мимо.
И ее туманные, темные очи
молчат о высоком солнце.

М о с т

О, если б моя душа была нерушимой скалой!
Но я ожидаю с дрожью дня разрешенья от
бремени...

В руку мою вцепились робкие руки ребят
со всех концов земли.

Кричат миллионы душ от страданий,
и сердце мое трепещет от крика.

Я люблю людей, но боюсь,
что станет больше одним человеком,
что станет больше одним страданьем.

О, будь я могучей, как море,
я пеньем снесла бы стену,

что отделяет людей
от страны рассветного солнца.
Но я лишь мост, ненадежный мост
на человеческом пути.

П о д л у н о й

Слышишь жалобный вой, луна?
Значит, дикие звери лесные
устремили глаза к тебе.

В тобою вытканной гибельной сети
ты висешь, как паук золотой,
над простором земли.

И брожу под тобой я с братьями,
гневом объята и ужасом.
Скрыто все лучшее в жизни от нас.
Счастье же наше, как пыль под ногами.
Где от него золотые ключи?

Поднимать ли нам лица,
скорбные, бледные лица,
с воем протяжным к тебе?
Иль сквозь твою паутинную сеть
Прорваться?

Эмигранты

Я в мир вступила, как в право наследства
на все на свете — на землю, и солнце,
и на жизнь, на душистый ее каравай.
Но мою уверенность растоптал
железный сапог захватчика,
и хищность ослабилась мне в лицо
во всю свою черную пасть.

И я бежала в изгнание
на быстрых парусах сна,
бежала в далекий край,
где жили цветы и нимфы.

Но с родного материка, затопленного кровью,
зов ребенка меня догнал:
он был сокровеннее зова нимф
и трогал сильнее зова цветов.

Так я вернулась из эмиграции,
и так же вернутся со всех чужбин
изгнанники-эмигранты.

Земля загремит от гула шагов,
новая песня грянет в горах,
рухнут замки захватчиков.

Н а ш а п е с н я

Наша глухая песня стала суровой средь бурь
Нам ли петь о розовых тучках,
если мы сквозь тьму
к новой жизни путь пробиваем.

Мы свободного моря слышали гул,
мы слышали призывы могучих птиц,
и сердца наши рвались расправить крылья,
но давила нас власть Чудовища.

Нет в нас тихой нежности облаков,
темные недра нужды и страданий
нас сплотили.

Как уголь и алмаз,
горячи мы и тверды.
Или борьба — или гибель в пропасти!

Нам ли петь о розовых тучках?

Хлеб — вот наша песня, наш душистый

цветок

в недостигаемой выси альпийской,

дальний ключ в пустыне — наш отдых.

В н о в о г о д н ю ю н о ч ь

Я слышу дыхание жизни,
сердец человеческих стук
по всей вселенной,
и реку времени вижу,
бегущую через мир,
мутно-кровавую от горя
и преступлений людских.

Я вижу, как страдальцы
следят за быстрым теченьем,
а яркий цветок надежды
то пышно раскроется,
то вновь увянет.

В эту ночь он раскроется снова.
Что несешь ты, река времени?

Примчишь ли к нам под парусом черным
пиратский корабль, что губит жизнь,
или светлую лодку жизни,
с гребцами, чьи сердца
отважны и благородны
и нас избавят от тягот и бед?

Благотворителю

Ты милосерден:
ты протягиваешь подаянье — мне!
Но хлеб твой мне будет горек
и впрок не пойдет.
Не жди,— из-за него с поклоном
я не приду к тебе,
заплесневелый властитель,
восседающий на золотом мешке!

Я ничего не боюсь,
я, как нимфа, свободна.
Даже смерть бежит от меня,
и никто моей воли не сломит.

Ты боишься моего язвительного смеха,
звучащего во всех садах,

которые зацветут
под моими руками творца
в час угасания утренних звезд

Ты говоришь, что звездами
сыт не будешь, как хлебом,—
но ведь я живу!

А ты, на тяжелом мешке,
давно-давно
задушен золотой пылью.

Ироды и освободители

У Ирода в сердце жил страх:
освободитель родился в стране!
Дрожащей рукой Ирод схватился за меч:
«Истребить всех младенцев!»

На иродов страх нагоняют
младенцы из низеньких хижин:
как бы не вырос сильный,
кто, странствуя по полям и дорогам,
скажет:
«Я указываю путь к правде и жизни!» —
поправ власть смерти.

Ироды в страшном смятенье вопили:
«Убейте младенцев!»
Кровь миллионов пролилась,

а верховные жрецы поучали:
«Мир — это юдоль смерти,
пусть этим проникнутся ваши сердца».
И миллионы задохнулись.

Но освободители воскресают из мертвых
победно, как солнце, встающее из мрака,
непреодолимо, как трава на поле битвы:
так возрождается жизнь после убийства.
Распинайте на кресте,
бросайте в тюрьмы,—
из чернозема прорастают семена,
у матерей рождаются дети,
в них — мятежная песнь жизни.
Из страдания восстают бессмертные,
лучезарные, побеждающие.
И у повелителей смерти
в сердце ужас
и меч в руке.

В о с т о ч н ы е в о л х в ы

В мудрость свою спрятались мы от жизни,
словно в звездной пустыне скрылись, покинув
мир;
слишком жестоким показался он нам,
явившимся из неведомого.

Там рабочему хлеба не хватало,
а лежащий в праздности всегда был сыт,
и рабы убивали друг друга,
чтоб умножались быстрее богатства господ.

В мудрость свою спрятались мы от жизни
и заслонили души от всяких тревог.
С земли и вод знания мы собирали,
точно пчелы — целительный мед.
Наши сердца были ясны и спокойны,
как небеса над пустыней.

Почему же сейчас глаза нам свет ослепляет
и песнью неведомой огласился простор?
Родился младенец, сын человеческий!
Великая милость угрозу с собой принесла:
в мир, управляемый зверями,
ребенок пришел,
чистый, как звезда.

Мы покинули нашу мудрость,
и вот идем по опасным тропам
в бурю, в жестокую битву
за младенца, за новую зарю,
чтобы сделать прекрасной землю,
по которой ступать будут ноги невинного.

К н у т с ы н а ч е л о в е ч е с к о г о

Мое страдание — не обо мне самой,
я страдаю простым и великим страданием
миллионов,
мечтающих, чтобы жизнь была лучше.

Где он, тот хлеб насущный,
который был нам дан?
В каждом храме сидят торгаши
с душою уродливой и страшной.

Мы рождены, чтобы любить жизнь,
смотреть с улыбкой на беззаботных детей,—
но пределы нашего терпенья
прорвала ненависть.
Вековой голод затаился в наших глазах,
мучат нас беспокойно-кровавые сны.

Сын человеческий поднял кнут,
свистящий над головой грабителей.

Кто виноват
в том, что жизнь была от нас скрыта
стеною из золота и стали штыков?
Но нам нет числа, как деревьям в лесу.

Наши горячие тела
мы устремим против ваших штыков,
мы затопим кровью своей
ваши сердца из золота и стали,
чтобы спасти жизнь тех,
кто придет после нас.

Morituri te salutant¹

Вечно слышишь этот крик:
«Ты бредешь долиной смерти!
Жизнь твоя напрасна!»
И у нас — погасшие глаза,
лица — серые от горя.
Наши тени на закате удлиннились
и в долине смерти стынут.
Мы не можем ни любить, ни жить.

Братья! Все это — шаманство и вранье:
наше солнце не заковано в оковы,
в нашей жизни — смерти нет!

---

¹ Идущие на смерть тебя приветствуют
(лат.).

Солнце снова выйдет, братья,
и у наших ног сожмутся тени!
Жизнь сквозь нас рекою протекает.
Мы — река, мы — жизнь, и мы течем
к вольному людскому морю.
Жизнь! Идущие на смерть
тебя приветствуют!

ГОРИТ ДЕРЕВО ГНЕЗД

1 9 4 2

Поэт

Слепого соловья
нарекли поэтом.
И с той поры поэты стали слепы.
Дивился мир:
«Как чудно поют поэты!»
И вдруг — один из них запел, открыв
глаза.
«Кошунство!» — раздался крик.

И грязными иглами
выкололи ему очи —
прозрачные сети жизни
и песен.

Г о р и т   д е р е в о   г н е з д

Словно птицы над пылающим деревом
гнезд,
вьются над миром стаи тревожных мыслей.

Дороги разрушений,
голода и поражений
ведут в родные гнезда.

Там хорошо,
в мирных гнездах,
вдыхая прохладу полей,
омываться в росных чашах утра,
гореть под знойным солнцем лета,
купаться в серебристо-синем
воздухе осени,
петь любовь, и радость,
и наивный детский лепет.

В черных цепях бедствий,
в море страстей и страданий,
грубеют людские сердца,
руки сеятелей сжимаются в кулаки,
те руки, что прежде
благословляли восходы,
сжимаются, чтобы разрушить мир,
жаждущий очищенья.

Как неприютные птицы над пылающим
деревом гнезд,
вьются над миром беспокойные мысли
и поют суровую песню битвы.

Наводнение

Ты кричишь во сне, малыш,
и тянешь ручонку ко мне,
и глаза твои страха полны.
Посмотри, как вокруг хорошо:
тепло, лампа горит,
за окном — береза и елка,
серебристо-мохнатый сумрак
охраняет твой сон.

Ты с улыбкой засыпаешь опять.

. . . . .
Я прислушиваюсь с дрожью в сердце
к разгулу темных сил:
скоро Стикса плотины
сокрушатся и река смерти
разольется по земле живых.
Ты слышишь шипенье дракона
в ядовитом тумане?

Громыхает повсюду гибель.
Миллионы молодых бойцов
погибают; их тела
разбросаны по всей земле.
И огромная тень
нависает над стонущей планетой.

Я прислушиваюсь с дрожью в сердце:
разрушительные валы
перекатываются через стены,
и мой дом
качается, колыхаясь,
как бакен во тьме на волнах.
Выдержат ли прочные стены?

. . . . .

Ты кричишь во сне, малыш,
и тянешь ручонку ко мне,
и глаза твои страха полны.
Посмотри, как вокруг хорошо:
осенний ветер качает,
как детей, на деревьях почки,
чтоб они проснулись весной
под радостными лучами солнца.
Ты с улыбкой засыпаешь опять.

Н о ч н о е   н е б о

Синее поле небес
бурями вспахано,
звездным овсом серебристым
засеяно —
зябким и редким
звездным овсом...

Кто
жнецом назовется?
Кто возьмется за лунный серп?

О а з и с

Ветер нес мои приветы и вести
всем идущим за солнцем — на восток
и на запад.

Сотни лет
жизнью караванов
в желтом гневе пустыни был я.

Но сила былая
уходит:
гаснет живое дыханье
в стране смерти.

Тихо шурша,
упругие кольца барханов

обвили меня и застыли
мертвым бескрайним морем.
Надо мной закружили
черные смерчи...

Паук пустыни — детище смерти —
не спеша плел тенета...
Годы мчались...
Сады мои, сады!
Остались
от вас лишь немые стоны.

О, странники, странники!
До караванов
не доносится голос мой:
он затих под саваном желтым.

Родник мой, родник! —
Синий глаз глубин,—
ты меркнешь...

Но чу!..
Словно во сне,
под расплавленным гневом песков,

Зима пришла

Снова вернулась зима.

Если б вернулась молодость,
я, наверно, воспела бы
лесную черную чашу,
прохладу ее подснежников,
синее поле ночи
и сверканье звездной росы.

Но моя молодая песня замерзла,
моя песня — уже старушка,
бедная и усталая:
синей опухшей рукой
хворост она кладет
в мою убогую печку.

Орбита насущного хлеба
тесна, как тюремный двор.
От бесконечной работы стали такими
шершавыми
мысли мои и чувства.

Снова пришла зима,
ростовщица нужды,
истязательница оборвышей.
Но горит сигнальным костром
красный огонь рябин.

**С л и ш к о м   д о л г о   я   н а   в е т р у
с т о я л а . . .**

Слишком долго я на ветру стояла,
слишком долго пронизывали меня,
сотрясая стены моей души,
кровавая тьма, страданье и стон.
Иди, не медли — не то душа,
не успев рассказать о своей борьбе,
будет погребена под обломками.

О весна, залетело в меня невзначай
веселое дыханье твое,
как в горло горца — протяжный клич.
О весна, лучистая флейта твоя
посреди снегов, посреди зимы
заставила зажурчать ручьи,
чтоб напиться смог запыленный солдат.

Я на ощупь бреду сквозь радость,
я вхожу растерянно в отдых,
и в улыбке моей — смятенье,
а в глазах — недоверье к себе самой.

И, лицом обратясь к весне, я вспоминаю
о бегстве,
и расплавленной сталью
в меня вливается радость.
Скоро я снова уйду.

М и р р е б е н к а

1. Р у к и

Руки со всеми пальцами —
замечательные друзья.
Захочешь — они шевелятся,
захочешь — сгибаются.
Можно сжать свою руку,
можно разжать
и все на свете потрогать:
нос матери, бровь отца.
Это такое счастье,
что есть руки!
И если тебе плохо,—
ведь бывает и так,—
если ужасно хочется есть,

если ты один,
если ты мокрый,
то пальцы тебя утешат.
Можно засунуть их в рот
и забыть обо всем.

2. И г р а

Он не потерпит покоя ни в чем!
Пусть кружится,
пусть колышется — всё!
Падают кегли,
и он рукоплещет... ногами.
(Ведь руки-то у него — заняты!)
Растолкать сонный мир!
Утвержденное —
Ниспровергнуть!
Все на свете — перевернуть!

Взмаху палицы подобен взмах его руки.
И в грохоте обновления мира
маленький бунтовщик — поет
задиристым петушком.

3. Л е т о

Ты удивлен?
Яркая маленькая ветка
У самого твоего лица!
И как нежны на ней почки!

У самых глаз твоих
мелькнуло белое;
Мотылек! Белый мотылек!
Синие твои глаза синими цветами
кажутся ему...

Кошка на крыше погреба
прикидывается мудрой.
На дереве поет птица.
Ты смеешься: какая
потешная кошка!
Давай и мы помурлычем
песенку без слов обо всем на свете,
качаясь-раскачиваясь вместе
с травой-муравой на ветру.

Весенний ветер

Плотный весенний ветер
хлынул сквозь лес на поля
и трепетной тканью накрыл
землю, совсем нагую,
чрево ее плодоносное,
море незримых цветов.

Песни бурлят родниками,
в незримые гнезда капают,
в чашу дня золотого.

Звенят ручьи серебристые
стеклянными голосами,
и звонко поет песок
под скачущими ногами.

Птицы, дети и травы
растворились в земном блаженстве,

которого мы лишены
за вину, неизвестную ветру,
за гнойный уродливый шрам
на дивном лице земли.

Песнь океана земле

Я целую, земля, твою грудь, целую.
В моем лике — смех солнца

и клики

птиц перелетных.

В своей бездне подводной
волною качаю

нерожденные острова, что станут
земною

твердью, о мать-земля!

Зыбь моя бесконечна.

Вечно

рядом со мною ты,

родная:

струи рек твоих поят меня,

вливая
в сердце мое страданье и горе людское.
Их кошмарные сны
в моем грозном прибое,
пурпур крови их в гриве моей волны,—
все в зыби моей
и в пучине:
жизни буря, и жгучие ветры пустыни,
и дыханье холодных гор...

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВХОДИВШИЕ
В СБОРНИКИ**

Недосыгаемый

Они пришли ночью.
Было много их...
Как вы можете спать, люди!
Их не сдержат замки
и толща стен.
Они всегда приходят ночью.

Я проснулась в своей детской кроватке.
Запричитала мать.
Ты стоял неподвижно, как мертвый,
мой брат Себастьян.
Твои книги разбросаны по полу,
моя кукла раздавлена.
Мундиры, сапоги, оружие,
хриплые голоса.

Я повзрослела за эту ночь:
не ребенок и не старуха
я, существо без возраста,
несу всю тяжесть веков.

Я следила за ними,
я всегда за ними слежу.
Они пытали тебя,
Себастьян, Себастьян,
пол был красен от твоей крови,
стены влажны от твоего пота,
воздух был полон крика.
Как выдержат ваши уши, люди?

Себастьян, Себастьян!
Я все-все узнала:
они топтали тебя сапогами.
Мое сердце билось,
как умирающая птица.
Воздух видел. Ночь была свидетелем.

А теперь я по селам
хожу, хожу,
из страны в страну,

с континента на континент,—
невидимая, неслышная.
Я воспламеняю людей,
кто узнает меня — тот дарит мне
любовь,
и от этой любви умирает:
в людей я вселяю бесстрашье свое.

Они ищут меня,
ночные пришельцы,
но не могут найти:
их сети рвутся
и не держат стены.
Я — воздух, я — хлеб,
я — кровь в людских жилах,
я — сон, я — плач ребенка,
таинственное, неуловимое эхо.
Число любящих меня
все растёт и растёт.
Себастьян, Себастьян,
они уже воют от страха.

П р а з д н и к ж е р т в

Люди, люди!

Народов война

подобна кровавому празднику дикарей
вокруг огнедышащего чудовища.

Молодых жертв, молодых жертв
требуют бог и отечество.

Как дети перед Молохом,
стоят миллионы юношей
перед кошмаром войны.

Жертвы, жертвы,
вас не спасешь!

Нет у вас будущего,
удел ваш — убийство и гибель.

С благословенья попов
ведут вас под бодрые марши
в жертву чудовищам.

Люди, люди!

Кровь сыновей ваших павших взывает
с полей:

зачем вы родили нас,
зачем берегли?

Неужто лишь для смерти нам была
дана жизнь?

Разве родина — мачеха, убийца детей?

Разве жаждет господь человеческой
крови?

С о д е р ж а н и е

<i>Дебора Вааранди. Катри Вала и ее поэзия . . . . .</i>	5
--	---

Д а л е к и й с а д

Последний вечер апреля. <i>Перевод Новеллы Матвеевой . . . . .</i>	19
На груди земли. <i>Перевод И. Киуру . . . . .</i>	21
Цветущая земля. <i>Перевод К. Еголина . . . . .</i>	23
Солнце заходит. <i>Перевод К. Еголина . . . . .</i>	25
Осенний день. <i>Перевод И. Киуру . . . . .</i>	27
Убитая земля. <i>Перевод Новеллы Матвеевой . . . . .</i>	29
Первый снег. <i>Перевод Новеллы Матвеевой . . . . .</i>	31

Мои первые мгновенья. Перевод Юнны Мориц	33
Ах, как долго... Перевод И. Киуру . .	35
Молитва. Перевод Леона Тоома	36
Поток. Перевод Новеллы Матвеевой . .	40
Разрыв. Перевод Юнны Мориц	42
Зимняя элегия. Перевод К. Еголина . . .	44
Серая песня. Перевод Новеллы Матвее- вой	46
Наивная сказка. Перевод Новеллы Мат- веевой	50
Нимфы. Перевод К. Еголина	51
Тадж-Махал. Перевод Новеллы Матвее- вой	54
Тихий, грустный вечер. Перевод Новел- лы Матвеевой	56
Красная луна. Перевод И. Киуру	57
Вечер в далеком саду. Перевод Новеллы Матвеевой	59
Желтый ноктюрн. Перевод К. Еголина . .	60
Последнему. Перевод И. Киуру	63
Земля. Перевод Новеллы Матвеевой . . .	66

Синяя дверь

Синяя дверь. Перевод Новеллы Матвее- вой	71
Моя хижина. Перевод Новеллы Матвее- вой	72

Утренняя песня («Я сладко-сладко спа- ла...»). Перевод Леона Тоома . . .	73
Синий цветок. Перевод И. Киуру . . .	74
Всадник. Перевод Новеллы Матвеевой .	75
Самум. Перевод Леона Тоома . . .	76
Синий сад. Перевод Леона Тоома . . .	78
Смех солнца. Перевод Леона Тоома . .	81
Серебряная нить. Перевод Новеллы Мат- веевой	82
Маки. Перевод Новеллы Матвеевой . .	83
Высокие флейты. Перевод Леона Тоома	84
Восторг. Перевод Леона Тоома	85
Алый храм. Перевод Леона Тоома . .	86
Белые вазы. Перевод К. Еголина . . .	87
Душистый горошек. Перевод Леона Тоома	88
Солнце еще не взошло. Перевод Леона Тоома	90
Тоска. Перевод Леона Тоома	93
Жемчужная цепь. Перевод К. Еголина .	95
После твоего ухода. Перевод К. Еголина	97
Письмо в стихах. Перевод К. Еголина .	99
Твое имя. Перевод Леона Тоома . . .	101
Лунная ночь. Перевод Леона Тоома . .	102
Снежинка. Перевод Леона Тоома . . .	103
Черный корабль. Перевод Новеллы Мат- веевой	104
Белое сердце. Перевод Леона Тоома . .	106
Птичья сказка. Перевод И. Киуру . .	108
Холодная луна. Перевод И. Киуру . .	110

Счастливая минута. Перевод Юнны Мориц	111
В летний день. Перевод Новеллы Матвеевой	112
Осенний вечер. Перевод И. Киуру	115
Сумрачная комната. Перевод Юнны Мориц	117
Бог и я. Перевод Новеллы Матвеевой	118
Утренняя песня («Сколько силы во мне...») Перевод Новеллы Матвеевой	120
Прекрасное. Перевод И. Киуру	122

На причале земли

На причале земли. Перевод Новеллы Матвеевой	127
Звезда. Перевод Леона Тоома	129
Перед приходом весны. Перевод Леона Тоома	130
Белые утра. Перевод Новеллы Матвеевой	133
Чаша. Перевод Юнны Мориц	135
В пути. Перевод Леона Тоома	136
Море. Перевод Юнны Мориц	138
Буря. Перевод К. Еголина	139
Звездный полет. Перевод И. Киуру	140
Жалоба («Для тебя я цветком была...») Перевод Юнны Мориц	142
Пробуждение. Перевод Юнны Мориц	145
Весна. Перевод И. Киуру	147

Синее утро. <i>Перевод И. Киуру</i>	148
Самолету. <i>Перевод И. Киуру</i>	149
Слова. <i>Перевод Новеллы Матвеевой</i>	151
Эпитафия лампы. <i>Перевод И. Киуру</i>	153

В о з в р а щ е н и е

Флейта. <i>Перевод И. Киуру</i>	157
Счастье. <i>Перевод Новеллы Матвеевой</i>	158
Летняя ночь. <i>Перевод Юнны Мориц</i>	159
Нерожденным. <i>Перевод К. Еголина</i>	160
Тантал. <i>Перевод К. Еголина</i>	162
Ребенок играет. <i>Перевод Новеллы Матвеевой</i>	164
Жалоба («Настанет ли мукам конец?..»). <i>Перевод Новеллы Матвеевой</i>	166
Страдание. <i>Перевод Юнны Мориц</i>	167
Судьба. <i>Перевод И. Киуру</i>	169
Человек. <i>Перевод И. Киуру</i>	170
Искание. <i>Перевод Новеллы Матвеевой</i>	172
Рождение песни. <i>Перевод Юнны Мориц</i>	174
Вечные травы. <i>Перевод И. Киуру</i>	177
Моя младшая сестра. <i>Перевод Юнны Мориц</i>	178
Летний вечер на окраине. <i>Перевод Леона Тоома</i>	179
Праздник осени. <i>Перевод Юнны Мориц</i>	180

Осенний вечер. Перевод Юнны Мориц	181
Снег. Перевод Юнны Мориц	182
Мост. Перевод Леона Тоома	184
Под луной. Перевод К. Еголина	186
Эмигранты. Перевод Леона Тоома	188
Наша песня. Перевод К. Еголина	190
В новогоднюю ночь. Перевод К. Еголина	192
Благотворителю. Перевод К. Еголина	194
Ироды и освободители. Перевод К. Его- лина	196
Восточные волхвы. Перевод К. Еголина	198
Кнут сына человеческого. Перевод К. Еголина	200
Morituri te salutant. Перевод Леона Тоома	204

Г о р и т д е р е в о г н е з д

Поэт. Перевод Новеллы Матвеевой	209
Горит дерево гнезд. Перевод И. Киуру	210
Наводнение. Перевод К. Еголина	212
Ночное небо. Перевод Новеллы Матвее- вой	216
Оазис. Перевод И. Киуру	217
Зима пришла. Перевод Леона Тоома	220
Слишком долго я на ветру стояла... Пе- ревод Леона Тоома	222

Мир ребенка	
1. Руки. <i>Перевод Леона Тоома</i> . . .	224
2. Игра. <i>Перевод Новеллы Матвеевой</i>	225
3. Лето. <i>Перевод Новеллы Матвеевой</i>	226
Весенний ветер. <i>Перевод Леона Тоома</i> .	229
Песнь океана земле. <i>Перевод И. Киуру</i> .	231

Стихотворения,
не входившие в сборники

Недосягаемый. <i>Перевод К. Еголина</i> . . .	235
Праздник жертв. <i>Перевод К. Еголина</i> .	238

К а т р и В а л а

Далекий сад

Редактор *С. Ошеров*

Художественный редактор
Д. Ермоленко

Технический редактор
Ф. Артемьева

Корректоры *М. Доценко* и
Т. Кибардина

Сдано в набор 6/XI 1965 г.
Подписано к печати 30/III
1966 г. Бумага мелован.
60×90¹/₃₂—7,75 печ. л.
Усл. печ. л. 7,75. Уч.-изд. л. 3,96.
Тираж 20 000. Заказ 3135.
Цена 1 р.

Издательство «Художественная
литература»
Москва, Б-66, Ново-Басман-
ная, 19.

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова Главполи-
графпрома Комитета по печат-
ти при Совете Министров СССР
Москва, Ж-54, Валуевая, 28

